

УДК 947.084

Кадровая политика государства в лесном хозяйстве периода нэпа: проблемы и уроки (по материалам Поволжья)

Е. В. Воейков

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры Менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, evgenijvoejkov@yandex.ru

В статье исследуется неизученный в историографии вопрос о государственной кадровой политике в отношении работников лесничеств на примере Поволжья, которая в 1920-е гг. носила противоречивый характер. Крупным успехом следует считать появление лесного института в Татарской АССР и лесного техникума в Пензенской губернии, что способствовало увеличению количества квалифицированных специалистов в регионе. Но проводимые массовые сокращения и уход со службы работников лесничеств привели к ухудшению состояния лесного фонда. Ожидаемая экономия от сокращения аппарата обернулась убытками из-за роста хищений леса местным населением.

Ключевые слова: лесной фонд, сокращения кадров, работники лесничеств, лесная стража, Поволжье.

Поступила в редакцию: 12.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Personnel Policy of the State in Forestry of the NEP Period: Problems and Lessons (Based on the Materials of the Volga Region)

E. V. Voeikov

Evgenij V. Voeikov, <https://orcid/0000-0003-3971-8960>, Penza subsidiary of Financial University under the government of the Russian Federation, 33B Kalinina St., Penza 440031, Russia, evgenijvoejkov@yandex.ru

The article examines the unexplored in historiography question of the state personnel policy in relation to forestry workers on the example of the Volga region, which in the 1920s was controversial. A major success should take the emergence of the forest Institute in the Tatar ASSR and forestry College in the Penza province, which contributed to the increase in the number of qualified professionals in the region. But the ongoing mass layoffs and separations of workers of forest areas has led to the deterioration of the forest Fund. The expected savings from the reduction of the machine turned into losses due to the growth of forest theft by the local population.

Keywords: forest Fund, frame reductions, forest managers, forest guards, Volga region.

Received: 12.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-258-264>

Лес на протяжении тысячелетней истории был спутником жизни и соратником русского человека. Работники лесного хозяйства Поволжья в 1920-е гг. обращали внимание на важное экономическое и экологическое значение леса: «Лес сдерживает распространение сыпучих песков, не дает развиваться оврагам, укрепляя их, уравнивает температуру, в лесу нет жары. Лес накапливает для почвы влагу из выпавшего за зиму снега. Население лесистых местностей во время зимней безработицы имеет побочный заработок по заготовке и вывозке леса, жжет уголь, гонит смолу и деготь, делает разные изделия из дерева – корыта, ложки, чашки, колеса, дуги и прочее. Жители не знают душающего сухого пыльного лета»¹.

Россия – одна из самых богатых лесами стран мира. Но сам по себе факт, что страна располагает 23 % мировой площади покрытых лесом земель и 22 % мирового запаса древесины еще не означает изобилия лесных ресурсов и отсутствия проблем в лесном хозяйстве. «Более 90 % всех лесных ресурсов РФ сосредоточено в малонаселенных регионах Сибири и Дальнего Востока... Однако многие многолесные районы недоступны из-за удаленности и бездорожья, что осложняет их вовлечение в эксплуатацию... Мало-лесные и среднелесные районы расположены в Центральном, Приволжском, Уральском, Южном, Северо-Кавказском федеральных округах. Мало-лесными считаются Центральный и Центрально-Черноземный районы, Ростовская, Волгоградская области, Северный Кавказ, Поволжье... Однако эти районы находятся в эпицентре внутреннего потребления лесных ресурсов, поэтому являются наиболее освоенными и истощенными»². В этой связи тщательное изучение, анализ, обобщение исторического опыта эксплуатации лесов России, особенно ее Европейской части, для выработки оптимальной стратегии развития лесной промышленности и лесного хозяйства представляют одну из важнейших национальных задач страны.

В последние десятилетия в отечественной историографии наметилась тенденция к исследованию истории лесного хозяйства России и ее отдельных регионов³. Однако значительное количество опубликованных работ не является показателем глубокой и всесторонней проработки темы. Часто из контекста исследования почти полностью «выпадают» живые люди, являющиеся творцами как спасительных, так и разрушительных мероприятий для русского леса. В данной

статье рассмотрен совершенно не изученный в отечественной историографии аспект развития лесного хозяйства в годы новой экономической политики: государственная кадровая политика в отношении работников лесничеств на примере Среднего и Нижнего Поволжья. Территориальные границы исследования включают Пензенскую, Самарскую, Саратовскую, Ульяновскую (до 1924 г. – Симбирскую) губернии и Татарскую АССР в административно-территориальных границах середины 1920-х гг. В избранных пространственных границах Поволжье располагало значительными лесными массивами. В частности, только леса Симбирской губернии превышали по площади казенные леса Франции почти на 1/3⁴.

Хронологическими рамками нэпа приняты 1921/22 – 1927/28 гг. Отчетность в народном хозяйстве страны давалась за хозяйственный или «операционный» год, который продолжался с октября одного года по сентябрь следующего; переход к отчетности по календарным годам с января по декабрь был осуществлен в 1930 г.

В годы Гражданской войны началось формирование органов лесного хозяйства. В соответствии с принятым СНК и ВЦИК «Основным законом о лесах» от 27 мая 1918 г. высшим лесным органом становилось Центральное управление лесов (ЦУЛ) республики, вошедшее позднее в систему Наркомата земледелия РСФСР⁵. На местах весной 1918 г. образовались лесные отделы губернских земельных управлений Наркомата земледелия, которые в период Гражданской войны занимались выделением под вырубку лесных площадей и заготовкой дров. В Поволжье формирование губернских лесных отделов земельных управлений (ГЛО) произошло в течение 1918 г.

В период нэпа роль основных заготовителей лесных материалов, особенно дров для местной промышленности и населения, наряду с лесопромышленными трестами в Поволжье взяли на себя лесные подотделы местных земельных отделов (управлений) в губерниях или лесные отделы наркоматов земледелия автономных республиках, в частности в Татарской АССР, входивших в систему Наркомата земледелия РСФСР (Наркомзем или НКЗ). Для удобства осуществления производственной деятельности в 1924 г. повсеместно при лесных отделах были образованы специальные структуры – лесзаги. Свои заготовки гублесзаги вели через систему производственных участков, созданных на базе лесничеств.

Для понимания встречающихся понятий необходимо сделать уточнение, касающееся терминологии. Положением о лесной страже 1869 г. было введено разделение лесной стражи на лесников и объездчиков, которое сохранялось и в первые десятилетия XX в.

Государственная политика в первые десятилетия советской власти в отношении лесов и в том числе работников лесного хозяйства носила противоречивый характер. Рассмотрим сначала

положительные аспекты проводимых мероприятий. В первую очередь следует констатировать, что революция 1917 г. стала мощным модернизационным фактором для лесного хозяйства России. Национализация лесов в принципе давала больше шансов для их рационального использования в силу специфики леса как природного ресурса с длительным периодом достижения зрелости древесных пород, сопоставимой с продолжительностью человеческой жизни. Переход всего лесного фонда страны в государственную собственность создавал основы для улучшения экологической ситуации в лесах и организации научно обоснованного их использования, что было положительно воспринято большинством лесоводов России. «Основной закон о лесах» провозгласил принцип: «Хозяйство во всех лесах... должно проводиться: а) в интересах общего блага; б) на основах планомерного лесовозобновления»⁶. Для каждой губернии в соответствии с правилами ведения лесного хозяйства был определен размер годовой лесосеки, то есть количество леса, которое можно вырубать без ущерба для нормального развития лесов региона.

После революции в стране постепенно стало увеличиваться количество учебных заведений, в том числе и готовящих специалистов лесного хозяйства. Следует подчеркнуть, что этот процесс шел в условиях сильнейшего экономического кризиса периода Гражданской войны и последующей послевоенной разрухи начала 1920-х гг. У истоков высшего лесного образования в Казани стоял выдающийся ученый-лесовод Г. Ф. Морозов. Именно он в 1917 г. обосновал необходимость открытия высшей лесной школы в регионе. В ноябре 1918 г. был открыт лесной факультет при Казанском университете. В феврале 1919 г. начались учебные занятия на новом факультете; деканом был избран профессор А. А. Юницкий. С июня 1922 г. лесной факультет Казанского университета был закрыт и в тот же день открыли Казанский институт сельского хозяйства и лесоводства с сельскохозяйственными и лесными отделениями. Обязанности декана лесного факультета продолжал исполнять профессор А. А. Юницкий, а преподавателями работали видные лесоводы: профессора А. П. Тольский, Л. И. Яшнов, Д. И. Морохин и др. У факультета имелось учебно-опытное лесничество в Раифе (Зеленодольский район современной Республики Татарстан), только летом 1926 г. там проходили практику порядка 300 студентов⁷. В 1930 г. лесной факультет был преобразован в Казанский лесотехнический институт, который в 1932 г. был переведен в Йошкар-Олу.

Важно отметить, что в дореволюционной России основным высшим учебным заведением, готовящим лесоводов, был Петербургский лесной институт. Открытие в Поволжье еще одного профильного высшего учебного заведения стало значительным шагом вперед в деле подготовки лесных специалистов в регионе и стране.

До революции в Пензенской губернии в Засурском лесничестве функционировала лесная школа. В апреле 1921 г. был образован Пензенский лесной техникум. Год спустя в учебном заведении имелось уже два курса с 75 обучающимися. Первый выпуск планировался осенью 1923 г.⁸ Губернская газета в апреле 1926 г. писала: «Пензенскому техникуму исполнилось 5 лет со дня основания. За это время техникум выпустил 128 лесоводов»⁹.

Одновременно в 1920-е гг. в отдельных лесничествах Поволжья проводился комплекс мероприятий по повышению профессиональной грамотности уже работающей в лесничествах лесной стражи. Пензенская губернская газета в 1925 г. сообщала: «По распоряжению гублесотдела в лесничестве стали читаться лекции по лесному хозяйству, так как имеются лесники, которые еще мало знакомы с лесным делом и даже не могут различить лесных пород, произрастающих в Леонидовском лесничестве»¹⁰. В 1927 г. при Пензенском ГЛЮ были организованы двухнедельные курсы повышения квалификации для лесничих и их помощников. Для чтения лекций были приглашены из Казанского лесного института профессора Судейкин и Тольский, из Ленинградского лесного института – профессор Ткаченко¹¹. Аналогичная информация сохранилась и по другим административно-территориальным единицам Поволжья. В отчете лесной секции профсоюза лесных и сельскохозяйственных рабочих Татарской АССР приводилась информация, согласно которой при 20 лесничествах были организованы «библиотечки, состоящие из 34 книг». При этом отмечалось: «Предположено по мере накопления средств пополнять эти библиотечки, но и в настоящем составе секция уверена, что они во многом помогут лесоводам, как в их производственной, так и общественной работе»¹². Также в Республике планировалась организация курсов повышения квалификации для лесной стражи.

Важным мероприятием для повышения образовательного уровня работников лесничеств и координации их деятельности стало издание с 1924 г. всесоюзного журнала «Лесовод», на страницах которого обсуждались актуальные вопросы развития лесного хозяйства, публиковались как статьи руководителей Управления лесами при Наркомземе, так и работников лесничеств. Отдельные проблемы лесного дела поднимались и авторами статей в журнале «Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо».

Однако наряду с однозначно прогрессивными мероприятиями по повышению уровня подготовки специалистов первые послереволюционные годы стали временем значительного ухудшения состояния лесного фонда страны и серьезных проблем в материальном положении и условиях труда работников лесного хозяйства. В рамках данной статьи более подробно исследуется кадровый вопрос в истории лесного хозяйства Поволжья.

Первые годы новой экономической политики запомнились служащим лесничеств Поволжья наряду с низкой зарплатой и отсутствием финансирования мероприятий по уходу за лесом еще и массовыми кадровыми сокращениями. Кадровые чистки лесной стражи проводились в русле кампаний борьбы за экономию государственных средств и удаления из рядов служащих «чуждых элементов. Так, в постановлении губернской конференции Саратовского отдела профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих (секция работников леса) в феврале 1923 г. указывалось: «Произвести пересмотр состава работников леса в отношении целесообразности подбора их на основе усиления кадрового пролетарского элемента и удаления враждебных кулацких»¹³. Газета «Пролетарский путь» сообщила о начале чистки в Ульяновской губернии: «Все взяточники и шкурники будут удалены из лесной стражи и заменены более дельными товарищами»¹⁴.

Проблема недостаточной или полной профнепригодности части работников лесничеств действительно существовала. Специалист лесного дела в опубликованной в журнале «Лесовод» статье провел анализ социального состава лесной стражи в дореволюционный период и в 1920-е гг.: «Кадры стражи в довоенное время пополнялись обыкновенно деревенскими «бобылями», то есть сельским пролетариатом. Такие пролетарии, поступая в стражу, совершенно отрывались от деревни, получая в лесу казенное помещение с отоплением, установленный земельный надел и небольшое жалование... и десятками лет оставались на своих должностях. Из них вырабатывались прекрасные лесники, которые в совершенстве знали порученные им обходы и объезды и могли осуществлять надзор и руководство как по производству культур, так и по уходу за лесом... За время Гражданской войны почти все лесные сторожки или сожжены, или разрушены. Прежняя лесная стража или добровольно оставила свои места, или была удалена под напором требования населения. К настоящему времени состав лесной стражи на 98 % новый. Удовлетворяет ли этот состав своему назначению? К сожалению, за редкими исключениями, не удовлетворяет. Не удовлетворяет, прежде всего, по классовому составу. За период революции содержание стражи было крайне неопределенно, да и не всегда оплачивалось, и поэтому сельский пролетариат в стражу не шел, так как негде было жить, и не на что жить, а шли чаще всего лица, связанные с деревней, имеющие там имущество, которое они приумножали незаконным пользованием лесом. В лесной сторожке нередко жили люди, выброшенные волной революции за борт и искавшие возможности просуществовать до благоприятного момента. Автору этих строк пришлось встретить в роли культурного надзирателя лесничества бывшего ректора одного из университетов, а в роли объездчика – бывшего генерал-лейтенанта. Правда, оба обязанности свои исполняли хорошо, но относились к ним как к тяжелому незаслуженному наказанию»¹⁵.

В лесничествах Поволжья действительно существовала значительная прослойка лиц, не соответствующих занимаемой должности, от которых необходимо было избавляться. Например, в списке сокращенных при реорганизации лесничеств Пензенской губернии в 1922 г. значится лесничий Керенского лесничества И. З. Новокрещенов, уволенный «за несоответствие своему назначению и не могущий прекратить рост самовольных порубок». Помощник лесничего Нижнеломовского лесничества Н. Н. Широков был уволен «за халатное отношение к служебным обязанностям»¹⁶. Губернская газета сообщала, что лесник Саратовского лесничества в 1922 г. «в течение целого года вместо того, чтобы охранять лес, предоставлял окрестным крестьянам свободно производить порубки леса и хвороста и за это брал с них взятки деньгами и продуктами»¹⁷. Руководитель Бековского лесничества Саратовской губернии И. Долгов на протяжении ряда лет злоупотреблял служебным положением. За счет хищений и подлогов он вел роскошный образ жизни. Как выяснилось на суде, бековский лесничий сделал дорогой ремонт своего дома, держал горничную и кухарку, трех лошадей, трех коров, трех породистых собак¹⁸.

Пензенская губернская газета сообщала в 1924 г. о ситуации в Засурском лесничестве: канцелярия запущена, работники низкой квалификации, лесная стража, особенно в 1 объезде, была замечена в пьянстве¹⁹. По результатам ревизии Чембарского и Морозовского лесничеств Чембарского уезда Пензенской губернии в том же году оба лесничих были отданы под суд²⁰. Осенью 1925 г. состоялся судебный процесс над четырьмя лесниками Пензенского лесничества. В обходе лесника С. Мишанова за неполных 3 месяца было срублено 446 деревьев, у А. Цибаева за 4 месяца – 755 деревьев, у П. Жирнова за 13 месяцев – 804 дерева, у И. Болдырева – 288 деревьев. Губернский суд приговорил каждого к лишению свободы на один год условно с испытательным сроком 3 года²¹.

В газетах Поволжья в 1920-е гг. также регулярно публиковались заметки с упоминанием аналогичных случаев злоупотребления служебным положением лесной стражи. Наиболее часто по этому вопросу публиковали заметки издания Ульяновской губернии²² и Татарской АССР²³. Поэтому начатая политика сокращения кадров работников лесничеств была вызвана не только желанием экономии государственных средств и классовым подходом, но и объективной необходимостью навести порядок в лесничествах.

Многочисленные факты коррупции и злоупотребления служебным положением настраивали местное население враждебно по отношению к работникам лесничеств. Ситуацию усугубляла застарелая вражда рабочих лесозаготовок и части служащих лесничеств к имеющим образование лесным специалистам, которые занимали обычно руководящие должности. В связи с этим проводи-

мая сверху политика сокращения кадров («чисток») работников лесничеств была воспринята многими людьми на местах, в том числе и в аппарате лесничеств, с большим энтузиазмом. На VI губернском съезде профсоюза работников земли и леса Пензенской губернии в феврале 1924 г. работники со специальным лесным образованием упоминались под наименованием «спецы». Выступавший в прениях Холодов говорил «о бюрократизме и волокитстве в ГЛЮ и лесничествах... что спецы не допускают широкие массы к торгам, а передают все кулакам»²⁴. Другой оратор Гусев с возмущением задал вопрос: «Почему очищено (от слова «чистка» в значении «сокращение штата». – Е. В.) только 2 лесничих и 95 лесников?». Выступающий Артошкин утверждал, что «в лесничествах действительно существует спецовская паутина, и не только в лесничествах, но и в ГЛЮ, и в эту паутину попадают даже наши партийные работники», кроме того, «за счет перевода крестьянам леса спецы дома строят». За специалистов лесного хозяйства на съезде заступился руководящий работник ГЛЮ Кедр: «Я не говорил бы здесь, если бы Гусеву не аплодировали... Пересаливать в речах вообще только вредно, а это сделал т. Гусев, которому надо сказать: «Прошло время, когда так безответственно можно было выступать против специалистов». Я говорю, несомненно, ни ГЛЮ, ни съезд, ни товарищи с мест не могут поддерживать политику Гусева и его травли специалистов»²⁵. В заключительном слове руководитель ГЛЮ Поцелуев с сожалением отметил: «Я ожидал больше прений деловых, но мне говорили лишь о том, что все специалисты подлецы, которых надо гнать поганой метлой... Давайте бросим заниматься этим бессмысленным поливанием, как ни говорите, а специалисты стержень дела, без этого стержня мы будем как без рук»²⁶.

Массовые сокращения работников лесничеств начались по всей стране в 1922/23 г. На 1 октября 1923 г. численность персонала лесничеств России, по сравнению с 1 октября 1922 г., сократилась: специалистов – на 12 %; служащих – на 31 %; лесной стражи – на 20 %²⁷. В 1923/24 г. произошло новое сокращение: в 34 губерниях и автономных областях было уволено лесников – 6,7 тыс. (27,3 %), объездчиков – 1,7 тыс. (31,3 %). В отчете Управления лесами по данному вопросу отмечалось: «В общем и целом пересмотр лесной стражи принес положительные результаты и, безусловно, оздоровил ее состав. Правда, в некоторых единичных губерниях был проявлен неумелый подход к делу, внесший значительные потрясения в аппарат лесничеств»²⁸.

В обзоре работы Ульяновского губкома за октябрь – декабрь 1924 г. указывалось: «За отчетный период произведена чистка лесной стражи. Из всего количества объездчиков и лесников в 1411 человек уволено 416 человек (62 объездчика и 354 лесника)»²⁹. В результате количество работников лесного хозяйства только за несколько месяцев уменьшилось на 29,5 %. В годовом

отчете Ульяновского ГЛЮ отмечалось, что если в 1924/25 г. численность лесной стражи составляла 1553 чел., то в 1925/26 г. – 1184 чел., то есть уменьшение составило 369 чел.³⁰ В Саратовской губернии в 1919 г. насчитывалось 2500 служащих лесничеств, к 1924 г. их осталось 1319³¹. Только за 1925/26 г. количество объездчиков сократилось с 251 до 209 и лесников с 900 до 800 чел.³² Массовость проводимых сокращений в отдельных случаях наводит на мысль, что от подобных кампаний пострадали не только жулики и случайные люди, но и достойные работники, честно выполнявшие свой долг. Косвенно это признавалось и в процитированном выше отчете Управления лесами, упомянувшем «неумелый подход» при сокращении кадров и «потрясения» в аппарате лесничеств.

В Поволжье процесс безудержного сокращения работников лесного хозяйства вызвал отдельные попытки противодействия на местах. Специалисты лесного хозяйства высказывали опасения и протестовали. Так, например, на совещании при лесном отделе Саратовского губземуправления в августе 1923 г. высказывалось соображение, что «лесная стража и администрация сокращены сверх меры»³³. В разработанной инструкции Пензенского гублесотдела указывалось, что «ввиду ограниченного числа техников-специалистов в России эта группа требует особенно внимательного отношения к себе». Главными основаниями для увольнения устанавливались: «а) явно преступные действия по службе, документально установленные; б) документально доказанное небрежное отношение к своим служебным обязанностям; в) полное несоответствие данного лица... занимаемой должности в силу его личных качеств...»³⁴. Обращает на себя внимание, что классовый подход, присутствующий в общегосударственной политике по сокращению лесной стражи, в данных рекомендациях Пензенского ГЛЮ отсутствовал. Заведующий охраной леса Ульяновского гублесотдела на губернском съезде лесных работников в марте 1925 г. отмечал: «При чистке, конечно, были ошибки, но не по нашей вине, а по вине комиссий. Впоследствии кое-как удалось ошибки исправить и некоторых сотрудников восстановить»³⁵. В отчете Карсунского уездного земельного управления Ульяновской губернии упоминался вариант подбора кадрового состава лесной стражи на основании мнения местного населения: «...УЗУ (уездное земельное управление. – Е. В.) обратилось к населению с особым обращением, чтобы последнее дало материал обо всех хороших и плохих качествах в отдельности каждого сотрудника лесничества. Таким образом, на основании получаемых справок и отзывов лесная стража была пересмотрена...»³⁶.

Непосредственным результатом сокращения лесной стражи стало увеличение размеров охраняемых участков леса. В 1923/24 г. в Саратовской губернии средняя площадь объезда составляла 4380 десятин, обхода – 870 десятин (1 десятина=1,09 га); при этом в отчете гублесотдела от-

мечалось, что нормальной площадью объезда по местным условиям следует считать 2500 десятин и обхода – 500 десятин³⁷. К середине 1920-х гг. ситуация в Саратовской губернии улучшилась и практически пришла к рекомендованной норме: в 1925/26 г. средняя площадь объезда составляла 2266 га, обхода – 592 га³⁸. В Ульяновской губернии ситуация оказалась хуже саратовской: в 1925/26 г. площадь объезда составляла 4378 га, обхода – 1028 га³⁹. Лидером по средней площади объезда в 1924 г. в Поволжье оказалась Татарская АССР, где объезд достиг 6,2 тыс. десятин; обход татарских лесников, равный 1,1 тыс. десятин, был чуть больше, чем у ульяновских⁴⁰. Но самая большая нагрузка легла на лесников Самарской губернии. В февральской 1927 г. записке Самарского лесного отдела приводилось сравнение площади обходов лесника в довоенный период и в 1920-е гг.: 1914 г. – 774 га, в 1925/26 г. – 912, в 1926/27 г. – 1290 га. В 1914 г. лесник должен был ежедневно проходить 20 верст (1 верста = 1,067 км), в 1925/26 г. – 25, в 1926/27 г. – 35 верст. По мнению авторов данного документа, увеличение обходов произошло из-за сокращения штатов лесной стражи⁴¹.

В резолюциях пленума профсоюза работников земли и леса 1926 г. по вопросу площади обходов отмечалось (п. 12), что «размеры обслуживаемой площади на одного специалиста значительно повысились по сравнению с довоенным временем», например, в Смоленской губернии до войны этот показатель составлял 3660 га, в середине 1920-х гг. – 9830 га, в Ленинградской губернии – 11 тыс. и 22 тыс. га соответственно⁴².

Помимо проводимых «сверху» сокращений, работники лесничеств в 1920-е гг. увольнялись со службы и сами. Причиной ухода обычно были перегруженность работой, низкая заработная плата, плохие жилищные условия, случаи избиений и убийств лесной стражи, участвовавшие в 1920-е гг. Но в опубликованных статьях специалистов лесного дела периода нэпа и в архивных документах главной причиной кардинального сокращения численности работников лесничеств называются именно «чистки».

Негативный эффект от непродуманных массовых увольнений работников лесного хозяйства и увеличения площадей обхода и объезда, проявившийся в росте хищений леса, последовал практически сразу. Публикации в журнале «Лесовод» демонстрировали подобные идентичные явления в разных частях СССР. Например, очень выразительно был проанализирован опыт Украинской ССР: «Принцип – экономить на сокращении лесников – совершенно не оправдывается жизнью. Печальный опыт Украины по уменьшению лесной стражи на 45 % в истекшем году дал настолько отрицательные результаты, что от новой реформы пришлось возвратиться к старому порядку. Там после сокращения стражи лесные порубки по отдельным лесничествам за первые три месяца увеличились на 1200 % по сравнению со временем до

сокращения; на убытки, причиненные порубками казне, можно было бы содержать всех уволенных лесников и иметь некоторую экономию... Так недостаточно продуманная реформа дала печальные результаты»⁴³.

Поволжье в рассматриваемых в данной статье границах подтверждает общую тенденцию роста хищений леса местным населением. Обращает на себя внимание факт, что в документах чаще всего причиной незаконных порубок назывался именно недостаток лесной стражи. Так, например, в докладе инспектора лесов Самарской губернии П. Е. Макшеева приводились следующие данные: «До февраля 1922 г. в 55 лесничествах Самарской губернии состояло: объездчиков 248 человек и лесников 1505 человек. Циркуляром губземуправления от 9 февраля с/г... количество лесной стражи сокращено (ввиду отказа от продпайка и недостаточных ассигнований из центра кредитов) почти на 50 %, и в настоящее время имеется: объездчиков 175 чел. и лесников 775 человек... Последнее сокращение числа лесной стражи значительно ухудшило вопрос с охраной дач от порубок. Нередки площади обхода безлошадного лесника в 2–3 тысячи десятин, что делает охрану только номинальной»⁴⁴. В годовом отчете Саратовского ГЛЮ за 1925/26 г. подчеркивалось, что на рост порубок повлияло проведение массовой «чистки» стражи в 1923 г.⁴⁵ Руководитель Ульяновского ГЛЮ Гайдамак считал, что количества лесной стражи из-за значительного количества самовольных порубок необходимо увеличить на 200 чел.⁴⁶ Дефицит кадров лесной стражи для охраны вверенной ей лесной площади отмечался лесными инспекторами в актах обследований ряда лесничеств Самарской губернии в 1926/27 г.⁴⁷

Специалист лесного хозяйства Татарской АССР писал в газетной заметке: «Сокращение 300–400 человек лесной стражи как бы приносит экономию 3–4 тысячи рублей в месяц, но если вникнуть в положение вещей глубже... Примером может служить сосновая дача «Сиушевский Бор», расположенная в ½ версты от г. Буинска. Площадь ее около 500 десятин, охранялась до октября месяца двумя лесниками. Самовольных порубок в ней не было. Но вот оставлен был один, и что же? Через 2 дня самовольно срублено 3 дерева, оцениваемые в месячное жалование лесника»⁴⁸. В отчете правительства Татарской АССР в 1929 г. обращалось внимание на тот факт, что в сфере охраны леса от порубок, «несмотря на целый ряд мер... не достигнуто значительного улучшения, ввиду недостатка лесной стражи»⁴⁹.

Таким образом, рассмотренная в статье государственная политика в отношении работников лесного хозяйства в годы нэпа отличалась противоречивостью. Несомненным крупным успехом следует считать появление лесного института в Татарской АССР и лесного техникума в Пензенской губернии, что способствовало увеличению количества квалифицированных специалистов в

регионе. Однако проводимый государством курс не отличался последовательностью и не смог обеспечить стабильность и планомерность развития лесного дела в стране. Массовые сокращения и уход со службы работников лесничеств привели к ухудшению состояния лесного фонда. Ожидаемая экономия от сокращения аппарата обернулась убытками из-за роста хищений леса местным населением.

В современной России ситуация с работниками лесного хозяйства продолжает оставаться неблагоприятной. Узаконенная Лесным кодексом 2006 г. реформа, как и в 1920-е гг., привела к сокращению служащих лесничеств. В результате, как выразился в своей статье специалист лесного дела, «от целой армии главных охранителей леса остались разрозненные партизанские отряды»⁵⁰. В СМИ неоднократно высказывалось соображение, что крупномасштабные лесные пожары и незаконные вырубki лесов «черными лесорубами» – результат сокращения работников лесничеств. Председатель научного совета по лесу Российской академии наук, академик РАН А. Исаев отмечает: «В России до 1 января 2005 года численность лесничих, мастеров и лесников составляла более 120 тысяч человек, а общая численность работающих в лесхозах достигала почти 200 тысяч человек. Именно они обеспечивали нужды промышленности и населения в древесине, охрану лесов от пожаров... Сегодня численность лесной охраны в регионах сократилась до 18 тысяч человек. Большая часть из них не участвует в охране лесов, а занимается многочисленной отчетностью по исполнению полномочий»⁵¹. Можно констатировать, что исторический опыт развития российского лесного хозяйства 1920-х гг. оказался невостребованным властными структурами на новом этапе развития в начале XXI в., что повлекло за собой повторение уже совершенных ошибок.

История развития лесного хозяйства страны в переломные эпохи Гражданской войны, нэпа, довоенной модернизации и Великой Отечественной войны нуждается в дальнейшем более тщательном изучении. Бесценный исторический опыт необходимо использовать при разработке стратегии экономического развития России, тем более что на протяжении всего XX столетия целенаправленной программы развития лесного хозяйства России не существовало.

Примечания

- 1 Надо поднять лесное хозяйство (значение леса в Самарской губернии) // Коммуна. 1924. 11 апр.
- 2 Зиновьева И. С. Общее и особенное в территориальном распределении и экономическом использовании лесных ресурсов России // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 11 (57). С. 34–35.
- 3 Подробнее историографию вопроса см.: Воейков Е. В. Деятельность Саратовского управления лесоохраны и

- лесонасаждений и состояние лесного фонда Саратовской области в предвоенные годы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 482.
- 4 См.: О профессиональной лесной школе // Экономический путь (Симбирск). 1919. 24 янв.
- 5 Декреты Советской власти : в 18 т. М. : Государственное изд-во полит. литературы, 1959. Т. 2. С. 312–329.
- 6 Там же. С. 324.
- 7 См.: Корбут М. «Земной рай» (Раифская лесная дача института сельского хозяйства и лесоводства) // Красная Татария. 1926. 14 окт.
- 8 См.: Яскевичев П. Пензенский лесной техникум // Трудовая правда. Пенза. 1922. 15 апр.
- 9 Пензенский день. Юбилей лесного техникума // Трудовая правда. Пенза. 1926. 30 апр.
- 10 Дятел. В Леонидовском лесничестве // Трудовая правда. Пенза. 1925. 17 апр.
- 11 См.: А. К. Пенза. Курсы лесных специалистов // Трудовая правда. Пенза. 1927. 16 июля.
- 12 Деятельность лесной секции Татареспублики // Лесовод. 1926. № 5. С. 48–49.
- 13 Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 6180. Оп. 2. Д. 135. Л. 13.
- 14 О наших лесах // Пролетарский путь. Ульяновск. 1924. 16 февр.
- 15 Соколов П. А. О борьбе с самовольными лесными порубками // Лесовод. 1925. № 2. С. 28–29.
- 16 Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 97. Л. 8, 9 об.
- 17 Лесник – взяточник // Известия. Саратов. 1925. 7 янв.
- 18 См.: Г. В. Долговщина (Сердобский уезд) // Известия. Саратов. 1926. 27 марта.
- 19 См.: А. К. Лесной техникум в Ахунах // Трудовая правда. Пенза. 1924. 5 июля.
- 20 См.: Советская хроника. В лесном отделе. Предание суду // Трудовая правда. Пенза. 1924. 18 окт.
- 21 См.: В Пензе. Лесные порубки // Трудовая правда. Пенза. 1925. 23 окт.
- 22 См., напр. : Розов С. Охранник лесов – взяточник // Пролетарский путь. Симбирск. 1924. 12 янв.
- 23 См., напр. : Лесной Д. Взятчиков надо взгреть // Красная Татария. 1925. 13 янв.
- 24 ГАПО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 158. Л. 417.
- 25 Там же. Л. 418–418 об.
- 26 Там же. Л. 419 об.
- 27 См.: Мальков В. Технический персонал в лесном хозяйстве РСФСР // Лесовод. 1924. № 1. С. 22.
- 28 Шульц А. Предварительные итоги работы Управления лесами за 1923–24 год // Лесовод. 1925. № 1. С. 7.
- 29 Государственный архив новейшей истории Ульяновской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 728. Л. 153 об.
- 30 Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 186. Л. 5 об.
- 31 См.: Работа Саратовского губплана // Нижнее Поволжье. 1924. № 2. С. 85.
- 32 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 10 об.
- 33 Полуэктов М. Лесное хозяйство губернии // Известия. Саратов. 1923. 13 сент.
- 34 ГАПО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 115. Л. 1.
- 35 ГАУО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 195. Л. 99, 121.
- 36 Отчет Карсунского уездного исполнительного комитета XVI Карсунскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с 1-го января 1923 г. по 15 марта 1925 г. Карсун, 1925. С. 155.
- 37 См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 3017. Л. 5–5 об.
- 38 Там же. Д. 4043. Л. 10 об.
- 39 См.: ГАУО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 186. Л. 4 об.
- 40 См.: Кедрер А. К вопросу о материально-бытовых условиях работников леса // Лесовод. 1925. № 9. С. 16.
- 41 См.: Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-3547. Оп. 1. Д. 41. Л. 311 об.
- 42 См.: Резолюция по докладам тов. Веловича «Быт, условия труда и общественно-производственная работа лесных специалистов» и тов. Кедрера «Участие лесной секции в бюджетно-штатной работе» // Лесовод. 1926. № 7. С. 70.
- 43 Соколов П. А. О борьбе с самовольными лесными порубками // Лесовод. 1925. № 2. С. 29.
- 44 Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 9. Д. 1567. Л. 5 об. 6.
- 45 См.: ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 50 об.
- 46 См.: ГАУО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 195. Л. 99, 121.
- 47 См.: ЦГАСО. Ф. Р-3550. Оп. 1. Д. 18. Л. 178 об., 282.
- 48 Щеглин Г. Осторожнее с сокращениями лесников // Красная Татария. 1924. 10 нояб.
- 49 Основные итоги работы правительства Татарской автономной Социалистической Советской республики к VIII Всетатарскому съезду Советов. Казань, 1929. С. 39.
- 50 Щепоткин В. Как очистить «золото» от копоти // Российская Федерация сегодня. 2012. № 07–08. С. 39.
- 51 Исаев А. Что происходит в лесном хозяйстве страны? // Российская Федерация сегодня. 2016. № 10.

Образец для цитирования:

Воейков Е. В. Кадровая политика государства в лесном хозяйстве периода нэпа: проблемы и уроки (по материалам Поволжья) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 258–264. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-258-264>

Cite this article as:

Voyeikov E. V. Personnel Policy of the State in Forestry of the NEP Period: Problems and Lessons (Based on the Materials of the Volga Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 258–264 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-258-264>